

Алексей Васильевич Никонов

20 лет работал в системе Госбанка СССР, завершив свою работу в 1985 году, в должности начальника управления в правлении Госбанка СССР. С 1977 по 1984 год избирался освобожденным секретарём парткома Госбанка СССР. В годы перестройки работал в экономическом отделе ЦК КПСС и первым секретарём Дзержинского РК КПСС города Москвы. В начале 90-х годов — заместитель председателя правления Сбербанка СССР, генеральный директор ассоциации сберегательных банков СНГ.

Эпикурейская самокритика

Это было в 70-е годы теперь уже прошлого века. Как-то по служебной необходимости я зашёл в кабинет заместителя председателя правления Госбанка СССР Григория Андреевича Трифонова, который в то время курировал работу управления кадров. Он, как всегда, сидел за ворохом служебных бумаг, но что-то в этот раз его так веселило, что ему приходилось отчаянно бороться с подступающим смехом. Моё появление явно принесло ему некое облегчение, так как теперь он мог спокойно поделиться с кем-то причиной своего веселья. Молча он протянул мне лист бумаги, который оказался фирменным бланком, сейчас уже точно не помню какого отделения Внешторгбанка, с соответствующей подписью руководителя и печатью. Поскольку это направление не входило в мои полномочия, я с удивлением посмотрел на него, не зная, что делать. «Читай», — коротко произнёс Трифонов и на его лице предательски затрясся подбородок — верный признак невозможности долгого сдерживания открытого хохота. Так оно и случилось, как только я опустил бумагу и уставился на Григория Андреевича непонимающим взглядом. «Каков?» — только и сумел произнести он и залился громким смехом, периодически прерываемым кашлем заядлого курильщика. Я поднял лист и снова перечитал достаточно короткий, но ёмкий текст. В нём черным по белому было написано, что я, такой-то, такой-то, уже давно руковожу этим отделением, мне это изрядно надоело и хочется на покой, что из-за нежелания работать меня постоянно тянет к рюмке и женщинам, а мой послеобеденный сон постоянно пытаются прерывать разными документами. Затем следовала официальная просьба об отставке и, конечно же, дата и подпись.

В этом изложении я, конечно же, допускаю свободную интерпретацию письма, но смысл был именно такой. За долгие годы, как сказал успокоившийся через некоторое время Григорий Андреевич, ему приходилось встречаться со многими жалобами, анонимками, разными наговорами, но чтобы вот так бескомпромиссно оценивать свою деятельность, так это впервые. Он попросил секретаря разыскать телефон указанного в письме отделения и соединить его с руководителем. Через некоторое время разговор состоялся, но получить внятный ответ, подписывал ли тот письмо в Москву, получить не удалось. Оставалось одно — назначить проверку и разобраться в ситуации.

Финал этой истории я узнал по прошествии времени. Мы в очередной раз обсуждали текущие рабочие вопросы и я, вспомнив вдруг эту тему, поинтересовался её итогом. Всё оказалось банально просто. Неплохой, в общем-то, руководитель имел склонность не читать часть документов, которые ему приносили, а имеющиеся в любом коллективе «добрые» люди, решая, конечно же, свои проблемы, решили воспользоваться его небрежностью. Говорят, он был в шоке, когда увидел тот опус, якобы им подписанный. Вычислить инициатора такого письма было делом не трудным, но принимать какие-либо меры к нему не потребовалось, так как сразу по приезду комиссии он решил уволиться и сделал это достаточно быстро.

**Можете себе представить состояние
хозяев квартиры, в которую
нагрянуло высокое начальство и без
особо долгих обсуждений полезло
в холодильник?**

Душа нараспашку

Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону...

Другая кадровая история, но уже по настоящему байка, достаточно хорошо известная и ходившая среди банковских работников, могла бы касаться любого руководителя, но её приписывали председателю Внешторгбанка СССР Юрию Александровичу Иванову. О нём можно много рассказывать интересного, так как коллеги его по-настоящему уважали как специалиста, порядочного человека, наделённого чувством юмора. Думаю, что ему стоило бы посвятить отдельное повествование. Поскольку он хорошо знал эту шутку, я позволю себе рассказать её так, как слышал сам.

Как-то после очередного решения партии о необходимости смело выдвигать на руководящие должности молодые кадры, Юрий Александрович пригласил к себе руководителя кадрового подразделения и попросил его принести личные дела сотрудников, которые, по мнению кадровика, могли бы хоть сейчас заменить его на посту председателя банка. Тот, серьёзно поработав, принёс пять дел. Отличные специалисты, общественники и, главное, молодые и перспективные. Полистав дела, Иванов убедился, что кандидатуры действительно подходящие и в любое время готовы к назначению. Подумав ещё немного, он поручил подготовить приказ о переводе этих специалистов в самые территориально отдаленные подразделения банка. «Да, это, пожалуй, будет правильное решение, — сказал он, — им ещё надо набираться опыта руководящей работы!»

Напевая про себя известную песню: «На Запад поедет один из вас, на Дальний Восток — другой», он отправился по своим служебным делам с глубоким чувством исполненного долга.

Р. С. В. В. Геращенко считает произошедшие события вполне реалистичными, но сомневается, что они произошли с Ю. А. Ивановым. Причём исключительно по «техническим» причинам. В 1980 году у Внешторгбанка было 17 отделений, и одновремен-

ная смена 5 руководителей была бы слишком заметной операцией, о которой бы долго говорили. Виктор Владимирович, не последний человек в банке, не помнит ничего подобного. — *Прим. летописца.*

Кто не рискует, тот не продвигается

Однажды управляющего Куйбышевской областной конторой Госбанка СССР* (теперь это Самарская область) вызвали с отчётом в обком партии. Это всегда был серьёзный экзамен для любого руководителя. Редко когда удавалось выходить после такого отчёта без оргвыводов, поэтому готовились тщательно, заранее ожидая любого исхода. На этот раз по ходу заседания всё шло вроде бы нормально: показатели были на уровне, кассовый план — вечная болевая точка для региона, хоть и с трудом, но выполнялся. У управляющего потихоньку начали успокаиваться нервы. Когда приступили к обсуждению вопроса, тоже как будто всё шло нормально. Нет, конечно, была критика, но ведь каждый понимал, что проверяющие при подготовке вопроса должны что-то найти, и поэтому развитие событий было вполне удобоваримым. Напрягало только одно — первый секретарь почему-то сидел напряженным и до сих пор не сказал ни единого слова.

И вот уже почти в конце заседания он вдруг со сталью в голосе задаёт вопрос: «Если всё так хорошо, почему же наши люди живут так трудно»? Управляющий понимает, что этот вопрос задан не только ему, но и всем участникам заседания, но он также понимает, что слушают-то не всех, и именно ему придётся отвечать. Тем более что головы всех участников почему-то дружно повернулись в его сторону. Ничего не оставалось, как встать и ответить: «Конечно, люди живут пока непросто, но они сыты, одеты, у них есть работа, а это уже немало». Тема сытости очень заинтересовала

* Мефодий Наумович Свешников был председателем правления Госбанка СССР с 1969 по 1976 год. В течение этого времени самарскую контору возглавляли Валентин Иванович Крашенинников (1962–1974) и Владимир Васильевич Ребровский (1974–1988). — *Прим. летописца.*

первого секретаря, и он намекнул, что при полупустых холодильниках говорить об этом не совсем корректно. Но тут уже в бой пошёл управляющий, утверждая, что сведения первого неточны. «Давайте, — предложил он, — выберем по адресному списку любую из квартир и посмотрим в ней содержимое холодильника». Зачем он это ляпнул, сказать трудно, как рассказывал позже наш герой, просто так получилось сгоряча, но предложение вдруг прошло. Заседание было прервано, и весь состав бюро обкома направился по выбранным адресам. Можете себе представить состояние хозяйки квартиры, в которую нагрянуло высокое начальство и без особо долгих обсуждений полезло в её холодильник. И представьте себе: он оказался полон! Пошли в другую квартиру — результат тот же. Итогом похода была положительная оценка работы Областной конторы, а управляющий был позже выдвинут на повышение.

Когда об этом докладывали на правлении Госбанка СССР, председатель правления Мефодий Наумович Свешников поинтересовался у управляющего, не слишком ли он рисковал, делая такие заявления на обкоме. Но тот объяснил, что заседания партийного комитета проходило обычно в начале недели, а утром в понедельник весь Куйбышев возвращался из Москвы с набитыми всякой снедью сумками, и он понадеялся, что к этому времени сделанные запасы ещё не поредеют. Риск, конечно, был, но кто, как говорится, не рискует, тот не выдвигается.

Кинутся люди искать свой мебель, а где они мебель? Вот они где!

В начале 70-х годов прошлого века я поступил на службу в только что созданное тогда управление механизации правления Госбанка СССР. В управлении был отдел, который занимался внедрением оргтехники. Именно ему было поручено, вместе с соответствующими институтами, заниматься разработкой мебели для служащих системы Госбанка. Вместе с тем, нашим вполне добро-

совестным хозяйственникам было также поручено обновить устаревшую, как тогда казалось, мебель в самом аппарате правления банка. В общем одни занимались разработкой исходных требований, технических заданий, проектов, а другие осваивали выделенные лимиты средств, как тогда называли этот процесс.

А надо сказать, что в самом управлении хранилось неизвестно откуда взявшееся, неизвестно как сохранившееся и неизвестно кому принадлежавшее кресло времен дореволюционного царизма. Это было деревянное, скорее всего, из дуба, с кожаным сиденьем и спинкой, довольно увесистое сооружение. Навершия опорных стоек кресла были украшены искусно вырезанными из массива дерева головами львов, подлокотники завершались лапами, по-видимому, этих зверей, а все открытые деревянные поверхности были покрыты тонкой резьбой, где цветочного, а где геометрического орнамента. Уникальную красоту этому шедевр добавляла потертая с годами черная кожа, которая, скорее всего, сохранилась с тех незапамятных времен, и гвозди с почерневшими от времени широкими медными фигурными шляпками.

Конечно же, об этом произведении мебельного искусства ходили всякие легенды. Говорили, что оно принадлежало некоему действительному статскому советнику, который никак не хотел открывать банковский сейф с важными государственными бумагами, когда этого требовал вороненый ствол маузера какого-то человека в черном бушлате. Была вероятность, что именно оно было основой для плодотворного труда при подготовке документов о денежной реформе в СССР в 1947 году. Кто-то вспоминал, что именно в него присел отдохнуть назначенный на пост председателя правления Госбанка Николай Александрович Булганин, когда обходил все подразделения банка и приветствовал каждого сотрудника пожатием руки (кстати, этого никто и никогда не делал ни до ни после него).

Скорее всего, никто не знал правдивой версии, чьи же «задницы» награждали своим прикосновением заслуженную поверхность этого кресла, но была

какая-то уверенность, что с его «помощью» в нашем учреждении рождались только хорошие мысли и подписывались только умные документы. Подтверждением тому являлся тот факт, что: во-первых, каждый, кто заходил в помещение и видел его, слезно просил дать ему возможность хоть несколько секунд посидеть в нём и сразу же как-то преображался, добрел что ли; во-вторых, всё, что задумывалось и писалось в нём, почему-то успешно реализовывалось. В той своей ипостаси оно досталось нашей сотруднице, очень симпатичной и доброй женщине.

Возвращаясь от «гимна креслу» к прозе жизни следует признать, что обновление мебели в аппарате с помощью хозяйственников проходило куда успешнее. Назначались инвентаризации, выносилась старая и устанавливалась новая мебель, звучала критика её качества, но главное, что процесс шёл и продолжал идти успешно. Иногда в его плавном движении наступали некоторые трудности, связанные с «несознательностью» отдельных индивидуумов, не желающих вносить в свою жизнь обновление, но всегда находилась какой-то компромисс и всё снова шло своим чередом.

Прошёл более чем десяток лет. Уже будучи первым секретарем райкома партии, я появился в кабинете ректора Архитектурного института для решения каких-то текущих вопросов. Кстати говоря, окна его обширного кабинета как раз выходили на здание Госбанка СССР. Первое же, что бросилось мне в глаза, была мебель, которая заполняла его кабинет. Я с восхищением оглядел обстановку и удивился, как современно и гармонично смотрелась весьма старинная мебель в общем интерьере. Его большой рабочий стол с зеленым сукном представлял собой шедевр искусства резьбы по дереву. Его никак не портил громоздкий монитор компьютера, который даже терялся в размерах стола. У приставного столика стояли два огромных мягких кожаных кресла, которые можно было увидеть в некоторых кадрах фильмов, показывающих содержимое рабочих помещений Кремля. Середину кабинета занимал стол для совещаний с окружающими его высокими стульями,

которые мне напоминали обстановку в кабинете председателя правления Госбанка СССР. Тот инкрустированный разными породами дерева гарнитур нравился мне своей строгостью и лаконичностью. Шкафы и комоды, стоявшие вдоль стен, тоже были знакомы: они стояли во многих кабинетах чиновников и отличались только своим содержимым. Завершал этот апофеоз деревянного творчества уголок для гостей, выполненный из карельской березы в стиле позднего барокко. Ректор, зная, где я работал прежде, с какой-то хитрецей посмотрел на меня и, убедившись, что я достаточно оценил увиденное, показал рукой на двор Госбанка, откуда, по его словам, ему и досталось всё это. «Я, — сказал он, — не мог спокойно наблюдать, как в вашем дворе разрушалось всё это богатство». Пришлось как-то остановить машину, выезжающую из ворот банка и поговорить с водителем. Он честно признался, что не всегда возит содержимое кузова на помойку, а иногда и продает его дачникам для растопки печей. Моё предложение продать мне одну-две машины такого «топлива» его особенно не смутило, но он долго не соглашался с тем, что содержимое мне необходимо не в разобранном виде. Единственное с чем он согласился, это проследить, чтобы мебель разбиралась, а не ломалась, а некоторые части, если ему удастся договориться, вовсе не разбирались. На него, видимо, подействовало моё предложение платить дороже за целые вещи. «Не знаю уж, — закончил ректор, — как они там решали эту проблему, но многое я получил практически в целостности и сохранности, конечно, много пришлось потрудиться над реставрацией, но результат вы можете оценить сами».

Признаюсь честно, в тот момент мне стало как-то стыдно, что я участвовал в казалось бы вполне прогрессивном процессе обновления, но таком бездумном, а по отношению к красивым и добротным вещам, способным служить и радовать глаз века, даже варварском.